

КУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В ВОСПРИЯТИИ АКТУАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ЛОКАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Е.С. Фидря

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 02.05.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5

© Фидря Е. С., 2021

Данная работа представляет собой результат исследований взаимосвязи структурной организации локальных сообществ региона Балтийского моря (на примере отношения населения Калининградской области к проекту разработки месторождения калийно-магниевых солей) и их культурных установок с конструируемыми и воспринимаемыми ими образами рисков. Рассматривается, каким образом конструируемые и распространяемые через различные каналы коммуникации образы рисков воспринимаются «внутри» локального сообщества с учетом коммуникационного и структурного контекста, как на это влияет тип культурных установок членов локальных сообществ (согласно модели «группа — решетка» и теории культурно обусловленного познания). На основе построенного при помощи метода множественного анализа соответствий пространства категориальных переменных проведены кластеризация наблюдений (респондентов) и проверка соотношения наблюдаемых результатов и теоретических предположений. Для выделенных групп (классов наблюдений) осуществлено исследование их коммуникативных практик и стратегий, изучена взаимосвязь между их структурной организацией, культурными установками, восприятием экологических рисков и ключевых институтов, считающихся ответственными за регулирование рисков, проведена оценка сравнительной эффективности различных способов, средств и форм риск-коммуникации в отношении выявленных групп. Полученные результаты позволяют сделать вывод о методологических перспективах дальнейшего применения данной модели и выстраивании более эффективных дифференцированных стратегий риск-коммуникации.

Ключевые слова:

культурный подход, локальное сообщество, экологический риск, модель «группа — решетка», Балтийский регион

Исследования восприятия экологических рисков в странах региона Балтийского моря

В силу ряда географических и политических обстоятельств экологическая проблематика играет важную роль для стран региона Балтийского моря, что выражается и в мерах правового и институционального контроля, и в деятельности межгосу-

Для цитирования: Фидря Е. С. Культурные установки в восприятии актуальных экологических рисков локальными сообществами Балтийского региона // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 89–107. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5.

дарственных общественных организаций, и в общественных настроениях, которые требуют не только регулярного мониторинга, но и исследований для углубленного изучения содержания общественных представлений об актуальных экологических рисках, а также тех факторах, которые влияют на формирование данных представлений. Так, блоки по экологической проблематике с 1990-х годов входят в опросники таких регулярных мониторингов, как *ISSP (International Social Survey Programme)*, *Eurobarometer* и *Gallup World Poll*. Можно отметить интересный опыт углубленного исследования локальных сообществ Арктического региона — проект *CAVIAR*, направленный на изучение влияния экологических вызовов на локальные сообщества для выработки ответных адаптивных стратегий и политик [1].

Согласно одному из последних замеров *Eurobarometer* (ноябрь 2017 года) для 57% участников опроса лично представляется «очень важным» вопрос защиты окружающей среды, еще 38% считают его «достаточно важным», в то время как «неважным» его называют только 5% респондентов. При этом между отдельными странами наблюдаются существенные различия: так, в Швеции вопрос защиты окружающей среды «очень важен» для 87% опрошенных, в то время как в Литве — для 42%, а в Польше — для 40%¹.

Различается и структура экологических рисков, которым европейцы уделяют наибольшее внимание: так, на первом месте находится «изменение климата» (наиболее важной проблемой его назвали 51% респондентов), далее следуют «загрязнение воздуха» (46%) и «растущие объемы отходов» (40%).² Здесь также имеется страновая специфика: если североευропейские страны, входящие в регион Балтийского моря, больше озабочены проблемами климатических изменений (Дания — 70%, Швеция — 68%, Германия и Финляндия — по 63%), то население Польши больше беспокоит загрязнение воздуха (56%), а проблема растущего объема отходов в большей степени тревожит жителей Литвы (65%), Латвии (61%) и Эстонии (54%).³

Согласно данным другого исследования⁴, наиболее опасными рисками респонденты считают загрязнение воздуха промышленными предприятиями (3,97 по 5-балльной шкале), на втором месте — использование пестицидов (3,88), на третьем — загрязнение воды (3,85).

Собранную в ходе опросов информацию часто подвергают вторичному анализу, допуская и макрорегиональные комбинации, и учет определенного ряда социально-демографических факторов и других переменных, включенных в подобные опросники. Например, таким образом проведено исследование восприятия и оценки рисков, связанных с климатическими изменениями, в Северных странах региона Балтийского моря [4], где в качестве дополнительного измерения рассмотрено отношение населения стран к ответственности различных институтов за регулирование данного риска.

Понятно, что спектр возможных переменных и, соответственно, глубина анализа взаимосвязей восприятия рисков и различных социальных, культурных, политических условий весьма ограничены. При этом, во-первых, существуют внутристрановые отличия в зависимости от подверженности конкретных локаль-

¹ *Attitudes of European citizens towards the environment // Special Eurobarometer 468 Summary*. URL: http://data.europa.eu/88u/dataset/S2156_88_1_468_ENG (дата обращения: 21.04.2020).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ *International Social Survey Programme: Environment III-ISSP 2010*. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5500 Data file Version 3.0.0. Gesis. URL: https://search.gesis.org/research_data/ZA5500 (дата обращения: 21.04.2020).

ных сообществ определенным рискам, а во-вторых, необходимо учитывать влияние надстрановых социальных и экономических условий. Исследователи обнаруживают влияние на формирование отношения к риску как социоструктурных факторов (см., например, [3]), так и различных установок и убеждений.

Согласно одним работам, адаптивные ответы локальных сообществ на экологические вызовы нужно рассматривать в тесной связи с технологическими инновациями и институциональными аспектами (такими, как рациональный менеджмент), позволяющим извлекать общую пользу из используемых экономических ресурсов [4, p. 590; 5].

В сравнительном исследовании двух норвежских локальных сообществ показана важная роль еще двух компонентов местного контекста — социального капитала и экономических условий [6]. При этом социальный капитал (устойчивые связи с политиками и внешними лицами, ответственными за принятие решений, сети доверия) позволяет создать и поддерживать адаптивные ответы на природные риски в повседневном режиме, а экономическая ситуация детерминирует способность к долгосрочной адаптации и выживаемости сообществ.

Исследование финских коллег показывает, что социальная солидарность может снижать беспокойство локальных сообществ по поводу актуальных для них рисков (в данном случае — социальной природы), обеспечивать чувство защищенности и снижать уровень страха, однако повторение и распространение инцидентов подрывают эту защищенность и ограничивают «защитный эффект» солидарности [7].

Прагматическую точку зрения предлагает коллектив датских ученых под руководством Я. Торуп-Эсбенсена. В серии нескольких исследований они показали, как горнодобывающие предприятия не только создают риски для локальных сообществ, но, взаимодействуя с ними, могут значительно преобразовывать инфраструктурную и экономическую обстановку «на месте» [8, p. 229—233]. Предоставляя экономические блага сообществу, компании не только легитимируют свою деятельность, но и балансируют экологические риски экономическими, связанными с возможными потерями или недополучением экономических ресурсов, важных для сообществ, в связи с прекращением деятельности компаний.

Институционализация такого симбиоза компаний и локальных сообществ требует выработки конвенциональных регламентов и методик оценки потенциального ущерба и мониторинга состояния окружающей среды, а также мер по устранению возможного ущерба — как правило, при участии экспертных организаций и государственных органов (например, разработанная и апробированная на юге Швеции методика SCORE [9]). Незавершенные этические вопросы и отсутствие согласия сообщества приводят не только к недоверию и росту восприятия остроты возможных рисков, но и к формированию ощущения несправедливости, которое нарастает в сообществе с течением времени, как показывает пример двух финских поселений, ставших местами хранения отработанного ядерного топлива [10].

Анализ межстрановых данных о восприятии экологических и технологических рисков [3, p. 31—55] показывает, что динамизм социально-экономических систем играет ключевую роль среди специфических для разных стран факторов: уровень воспринимаемого риска оценивается ниже индивидами, обитающими в более стабильной социально-экономической среде и чей социальный статус лучше защищен. В другой работе авторы указывают на устойчивые различия в протестном поведении в ответ на угрозы окружающей среде: описывая различия в активности между странами Западной и Северной Европы (где она выше) и странами Центральной и Восточной Европы (где эта активность ниже), они также указывают на важность возрастных и гендерных факторов [11].

Как мы видим, многое зависит от того, как социальные субъекты и локальные сообщества в целом воспринимают природу рисков, вероятность угроз и их потенциальный охват, а также возможные причины наступления негативных событий и кого считают ответственными за их предотвращение, при этом большое значение имеют инфраструктурные и экономические условия и динамика развития сообществ.

Для проведения сравнительных исследований восприятия рисков — в том числе межстрановых и межкультурных — часто используются психометрический и культурный подходы [12, р. 236]. Существует множество текстов, детально разбирающих проблемы изучения восприятия рисков с применением этих подходов, их возможности и ограничения [13—21], поэтому для целей данной работы будет достаточно отметить, что психометрическая парадигма ставит в центр анализа индивидуальное восприятие рисков и пытается определить универсальные закономерности восприятия (в том числе с учетом ряда культурных факторов), а культурный подход делает акцент на социальные структуры, изменения и устойчивые культурные паттерны, влияющие на восприятие рисков большими группами, а не индивидами. Несмотря на особенности указанных подходов, их «общим местом» критики называют трудности применения на эмпирическом уровне (недостаточная объяснительная мощность, невозпроизводимость теоретически сконструированных классификаций, сложности прямых межстрановых сравнений) [16; 18; 22; 19, р. 4—13]. Тем не менее использование культурного подхода для изучения специфических особенностей восприятия рисков локальными сообществами с их общей культурой, системой коммуникации, сетями социальных связей и группового влияния представляется потенциально более релевантным для изучения локальной специфики, чем подход, позволяющий зафиксировать универсальные черты индивидуального восприятия, в том числе и статистически (см., например, успешный опыт применения в [23—27] или обширный обзор в [28]). При этом культурный подход оставляет достаточно возможностей для сравнительных сопоставлений, если попытаться классифицировать изучаемые сообщества по их культурному типу.

Однако зачастую, когда речь идет о восприятии образов экологических рисков, конструируемых в коммуникативной среде локальных сообществ региона Балтийского моря, основное внимание уделяется структуре и содержанию медиа-образов, а не культурным характеристикам самих сообществ [29—30], а методологические предпосылки авторов не обозначаются явно. По нашему мнению, исследование медиа-образов без учета локального социального, культурного и политического контекста, в котором укоренены представления и убеждения жителей, существенно обедняет понимание того, от чего зависит воспринимаемый и реконструируемый образ риска.

Постановка проблемы и подход к ее изучению

Как мы увидели из предыдущего раздела, «восприятие рисков» представляет собой сложный предмет, связанный не только с самими угрозами и субъектами, их воспринимающими, но и с каналами коммуникации, конструируемыми образами рисков, локальным культурным, экономическим и политическим контекстом и, конечно же, социальными связями и отношениями, в которые вовлечен субъект восприятия рисков. В этом смысле локальные сообщества представляют собой оптимальный исследовательский объект, позволяющий на конкретном примере рассмотреть взаимосвязь всех этих элементов.

Наше исследование посвящено проблеме восприятия локальным сообществом Калининградской области рисков, связанных с разработкой месторождения калийно-магниевого солей в пос. Нивенском.

Данная тема возникла в общественном поле еще в 2014 году, когда началась подготовка месторождения к разработке, и практически сразу стала активно обсуждаться: были проведены публичные слушания с приглашением местных жителей, НКО экологического профиля, ученых и представителей власти, появились первые публикации в местных СМИ. Несмотря на то, что реализация проекта обещала значительные инвестиции в экономику не только региона, но и муниципального образования, серьезное обновление транспортной и социальной инфраструктуры, появление новых рабочих мест и другие блага, практически сразу стали подниматься и вопросы, связанные с потенциальными рисками разработки месторождения.

Основными причинами беспокойства населения стали угрозы загрязнения почвы, воды и воздуха, нанесения ущерба экосистеме района и здоровью населения, чрезмерная близость месторождения к поселку и связанные с этим сильный шум и вибрация, а также страх возникновения глубокого провала на месте извлекаемой руды. Потенциальные экономические выгоды от реализации проекта также подвергались сомнениям: жители боялись, что на предприятие будут нанимать только специально привезенные кадры, а экологические риски снизят стоимость их жилья и не позволят им продать его и переехать.

Компания-разработчик регулярно пыталась дезавуировать эти угрозы, приводя экспертные оценки, обеспечивая открытость и публичность проекта, однако напряжение продолжало нарастать, была образована группа активистов, которая создала сайт, сообщества в социальных сетях и развернула протестную кампанию. Группа проводила общественные акции, вела наглядную агитацию и привлекла к себе достаточное внимание, в том числе и региональных СМИ. Представители компании-разработчика, в свою очередь, подозревали некоторых лидеров группы в материальных и политических интересах.

Неоднозначность отношения к проекту и сложность риск-коммуникации по поводу возможных угроз, связанных с его реализацией, привлекли наше внимание. Нами были изучены образы рисков, связанных с разработкой месторождения, которые конструируют местные медиа, проведено исследование отношения населения к проекту, однако в данной работе мы хотим остановиться именно на изучении социально-структурной и культурной модели локальных сообществ, выделении в них устойчивых групп, обладающих определенными культурными предпочтениями, формирующими их коммуникативные практики и восприятие экологических рисков.

В нашей работе мы опираемся на культурный подход, используя предпосылки и культурные типы, описанные М. Дуглас [31—32] в ее теоретической модели «решетка — группа» (grid-group model) и раскрывающие взаимосвязь между восприятием риска и одним из четырех возможных способов социальной организации сообществ, и «теорию культурно обусловленного познания» (cultural cognition theory) [37], операционализирующую культурные типы в несколько ином виде.

«Группа» и «решетка» являются своеобразными осями в системе координат, отражая «идеальные типы» логики восприятия риска и социальной организации, где ось «группа» описывает силу группового этоса (высота барьера, который группа воздвигает между собой и окружающим миром), а ось «решетка» отражает вопросы власти и контроля поведения членов сообщества, связанные не только с членством в группе, но и с другими структурными факторами (класс, этничность, гендер).

На основании этих двух осей М. Дуглас и ее коллеги выделяют четыре идеальных типа культуры и, соответственно, четыре типа подходов к риску:

1) «иерархисты» (сильная «группа» и сильная «решетка»), для которых характерно уважение к власти, приверженность групповым нормам и ожиданиям относительно риска, доверие институтам;

2) «эгалитаристы» (сильная «группа» и слабая «решетка»), которым свойственно отождествлением с группой, склонность обвинять в рисках «чужаков», недоверие по отношению к нормам, устанавливаемым извне, одобрение социального равенства и коллективного разделения рисков;

3) «индивидуалисты» (слабая «группа» и слабая «решетка»), отличающиеся индивидуализмом и предприимчивостью, поддерживающие саморегуляцию риска, доверяющие больше индивидам, чем организациям, отвергающие внешние ограничения, верящие в рыночные силы, а риски рассматривающие как источник не только опасностей, но и возможностей;

4) «фаталисты» (слабая «группа» и сильная «решетка»), характеризующиеся слабой сплоченностью, сильно ограниченные в своем поведении и склонные полагаться на удачу и судьбу в отношении риска, считая, что мало его контролируют.

Как уже упоминалось, данную модель и измерительные инструменты, предложенные в оригинальном варианте [32—34], не всегда удобно применять на конкретном эмпирическом материале: довольно часто встречается эффект, когда при измерении выраженности предпочтений по каждой шкале в отдельности респонденты могут демонстрировать противоречивые предпочтения, например быть одновременно «иерархистом» и «индивидуалистом» или «индивидуалистом» и «эгалитаристом» [17; 35—36]. Поэтому при разработке опросного инструментария для нашего исследования мы обратились к альтернативному опыту теории культурно обусловленного познания (cultural cognition theory) [37]. Принципиальное отличие данного подхода от предыдущих методов измерения состоит в том, что здесь оси «grid» и «group» операционализированы в виде континуальных шкал с двумя полюсами, по отношению к которым респондент должен определить свою позицию, отвечая на вопросы о степени согласия с предлагаемыми утверждениями [38]. Таким образом, респондент вынужден последовательно обозначить свою позицию по отношению к переменным, связанным с двумя шкалами: «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм», не имея возможности выразить в рамках одного утверждения взаимоисключающие противоположные позиции. Данная методика была успешно протестирована на национальной выборке в США [39—41]. Для оценки степени согласия респондентов с данными утверждениями мы использовали пятизначные шкалы Лайкерта (как имеющие большую согласованность по сравнению с четырехзначными [42]). Кроме этого блока в опросник были также включены вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов, их восприятии экологической ситуации, отношении к экологическим рискам в целом, отношении к управленческим институтам, бизнесу и общественным организациям, формам и каналам коммуникации, вопросы о различных аспектах восприятия проекта разработки месторождения.

Массовый опрос проводился поквартирно методом личного интервью среди жителей старше 18 лет, постоянно проживающих по месту жительства, из расчета «один респондент в домохозяйстве». Выборка квотная, репрезентативная по половозрастной структуре населения. Для обеспечения случайного отбора использована процедура рандомизации с применением маршрутного метода для отбора квартир для опроса. В Калининграде было опрошено 1000 респондентов, в пос. Нивенское (Багратионовский район, Калининградская область) — 300 респондентов (доверительная вероятность 95%, доверительный интервал $\pm 5\%$).

Анализ и интерпретация результатов

Построение пространства культурных установок и анализ их взаимосвязи с коммуникативными стратегиями и практиками осуществлялись при помощи многомерного статистического анализа методом множественного анализа соответствий (МСА), относящегося к классу методов геометрического анализа данных и предназначенного для статистического анализа категориальных переменных [43]. Данный метод подходит в тех случаях, когда исследователю необходимо изучить взаимосвязи одновременно между множеством номинативных переменных, что делает его полезным инструментом в исследованиях восприятия риска, где зачастую приходится анализировать отношение к рискам, различные их категории, доверие к общественным институтам наряду с качествами самих респондентов [44]. Несмотря на это, применение МСА в исследовании риска по-прежнему носит крайне ограниченный характер, в частности, нам не удалось найти ни одной работы с использованием этого метода в рамках культурного подхода.

Суть метода состоит в том, чтобы преобразовать элементы двусторонней таблицы в точки геометрического пространства, образовав два облака точек: облако индивидов (в нашем случае — респондентов) и облако категориальных переменных (установки по отношению к рискам, культурные установки, информационные практики).

Те категории и индивиды, которые участвуют в построении облаков, называются активными. Дополнительные категории не используются для определения дистанции между индивидами, однако если нам известно их отношение к респондентам, мы можем определить их положение на той же плоскости, поэтому они могут быть ценным интерпретативным инструментом. В качестве категоризирующих (активных) переменных выступили ответы на категориальные вопросы, характеризующие культурные установки и особенности структурной организации изучаемых сообществ (по шкале теории культурно обусловленного познания), а в качестве зависимых (вспомогательных) переменных — отношение к воспринимаемым экологическим рискам, характеристики коммуникативных практик и стратегий опрашиваемых.

Для проведения МСА были использованы 18 переменных в виде сформулированных утверждений с оценками степени согласия по шкале Лайкерта (из перечня были исключены те утверждения, которые на предварительном тестировании были оценены как культурно иррелевантные). «Нулевые» (нейтральные) категории и категории, частота выбора которых была ниже 5%, также исключались из анализа, что в итоге дало нам 70 категорий.

Модифицированные значения [45] первых двух осей $\lambda_1 = 0,615$ и $\lambda_2 = 0,188$, а их кумулятивные модифицированные значения равны 0,803 (то есть объясняют около 80% дисперсии), третья ось добавляет к этому числу только 5%, поэтому для интерпретации мы будем использовать первые две оси.

В таблице приведен полный перечень самих переменных, категорий, которые внесли значимый вклад в формирование осей, а также координаты этих категорий в построенном пространстве. Первые две буквы в кодировке категорий означают шкалу, к которой относится утверждение (HE — иерархизм — эгалитаризм, IC — индивидуализм — коммунитаризм). Средний вклад одной категории в формирование оси составляет 1,4%, поэтому для анализа использовались только те переменные, чей вклад превышает среднее значение.

Координаты и вклады активных категорий

Метка категории	Координаты		Вклад	
	Ось 1	Ось 2	Ось 1	Ось 2
HE1. Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране				
HE1.EQRights+	-0,486	0,786	—	1,431
HE1.EQRights-	-0,917	0,614	2,826	1,982
HE1.EQRights++	0,876	0,727	1,970	2,125
HE1.EQRights--	0,131	-0,430	—	3,426
HE2. Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно				
HE2.EQGoods+	-0,822	-0,031	3,402	—
HE2.EQGoods++	0,364	0,164	1,561	—
HE2.EQGoods--	0,381	-0,996	—	2,297
HE3. Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома				
HE3.TradFam-	-1,167	0,916	3,365	3,238
HE3.TradFam++	0,665	0,651	1,483	2,225
HE3.TradFam--	0,031	-0,483	—	4,068
HE4. Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам				
HE4.Injustice+	-0,700	-0,044	2,369	—
HE4.Injustice++	0,468	0,287	2,231	—
HE4.Injustice--	-0,021	-1,196	—	6,405
HE5. Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным				
HE5.FemSoc-	-0,491	0,699	—	2,639
HE5.FemSoc++	1,277	0,677	3,703	1,626
HE5.FemSoc--	0,017	-0,520	—	4,510
HE6. Мы живем в обществе, которое основано на дискриминации и угнетении женщин				
HE6.GendDisc+	-0,037	0,868	—	1,747
HE6.GendDisc-	-0,772	0,618	1,943	1,945
HE6.GendDisc++	1,404	0,872	2,919	1,762
HE6.GendDisc--	0,038	-0,352	—	2,529
HE7. Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими				
HE7.BoysSoft+	-0,595	0,278	1,711	—
HE7.BoysSoft-	-0,718	0,237	1,835	—
HE7.BoysSoft++	0,803	0,307	3,437	—
HE7.BoysSoft--	0,208	-0,691	—	4,133
HE8. Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе				
HE8.Minority-	-0,683	0,469	1,751	—
HE8.Minority++	1,130	0,695	3,782	2,238
HE8.Minority--	-0,015	-0,420	—	2,921
HE9. Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов				
HE9.MakeEqual+	-0,763	-0,215	3,221	—
HE9.MakeEqual++	0,440	0,336	2,010	1,827
HE9.MakeEqual--	0,288	-0,874	—	2,597

Окончание табл.

Метка категории	Координаты		Вклад	
	Ось 1	Ось 2	Ось 1	Ось 2
IC1.RestrChoice++	0,979	0,297	2,933	—
IC1.RestrChoice--	0,063	-0,319	—	1,693
IC2. Индивидуальная прибыль – главная мотивация для усердной работы				
IC2.IndIncome+	-0,655	-0,061	2,286	—
IC2.IndIncome--	0,395	-0,775	—	1,576
IC3. Свободные рынки, а не государственные программы, являются лучшим способом обеспечения людей необходимыми им вещами				
IC3.FreeMark-	-0,808	0,093	2,645	—
IC3.FreeMark++	0,654	0,382	2,492	—
IC3.FreeMark--	0,184	-0,440	—	1,915
IC4. У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо				
IC4.StSupport+	-1,486	0,138	3,051	—
IC5. Наше государство пытается сделать слишком много для слишком многих людей				
IC5.TooMuch+	-0,514	0,883	—	3,130
IC5.TooMuch-	-0,975	0,193	3,003	—
IC5.TooMuch++	0,695	0,828	—	1,905
IC5.TooMuch--	0,269	-0,370	—	2,516
IC6. Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться				
IC6.LetPeople-	-0,838	0,029	2,359	—
IC6.LetPeople++	0,690	0,023	2,911	—
IC6.LetPeople--	0,159	-0,563	—	2,004
IC7. Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег				
IC7.GovWaste+	-0,847	0,413	2,123	—
IC7.GovWaste++	0,693	0,353	3,555	1,441
IC7.GovWaste--	-0,022	-0,615	—	2,457
IC8. Обязанность общества – обеспечить удовлетворение основных потребностей каждого				
IC8.SatisfAll+	-0,748	0,126	2,434	—
IC8.SatisfAll++	0,591	0,196	3,209	—
IC8.SatisfAll--	-0,010	-1,147	—	4,677
IC9. Государство должно перестать диктовать людям, как им жить				
IC9.StopDict+	-0,673	-0,014	2,103	—

Построенное двумя осями пространство взаимосвязи культурных установок образует две основные оппозиции — «умеренность — категоричность» по горизонтальной оси и «антирегуляционизм — этатизм» по вертикальной (рис. 1). В левой части пространства группируются переменные, связанные с умеренным согласием или несогласием с культурными установками, в правой — переменные, выражающие крайнее согласие или несогласие. В верхней части пространства в основном находятся переменные, связанные с сильной поддержкой эгалитаристских и индивидуалистских установок, в меньшей степени — коммунитаристских, в совсем слабой степени — иерархистских, что указывает на низкую степень поддержки вертикальной ориентированности и в целом антирегуляционистские установки. В нижней части пространства, наоборот, группируются переменные, связанные с отрицанием эгалитаристских и индивидуалистских установок, что в сочетании с рядом других дополнительных переменных позволяет охарактеризовать данный полюс как этатистский.

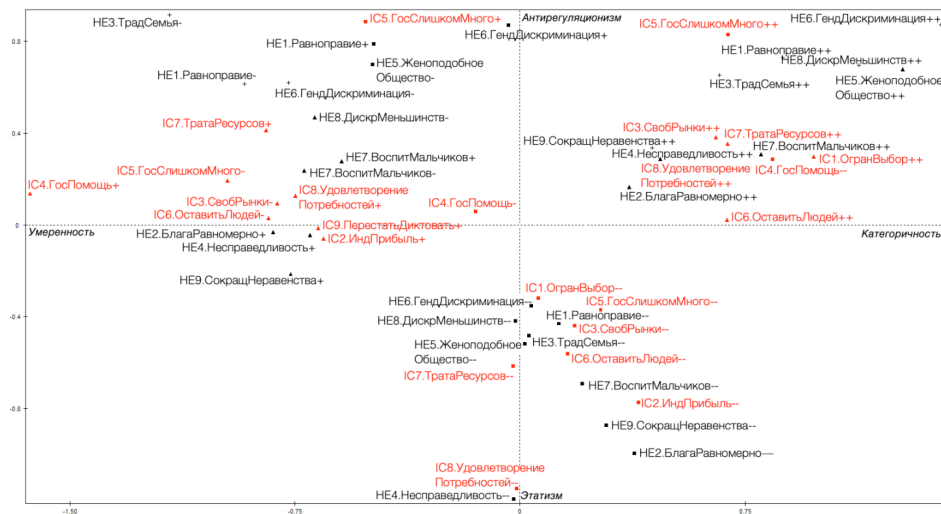

Рис. 1. Пространство распределения активных переменных (культурных установок)

Анализ вспомогательных переменных и их взаимосвязи с активными категориальными переменными дал следующие результаты.

1. Квадрант «антирегуляционизм» и «категоричность» (правый верхний) характеризуется недоверием официальным институтам, но доверием слабым горизонтальным связям (друзьям), категорическим недоверием информации, получаемой из СМИ (в том числе частных), доверием информации от друзей и частных предприятий. Среди наиболее эффективных мер информирования об экологических рисках называются привлечение экспертов в сфере экологии, распространение информационных материалов о производственном процессе и проведение круглых столов с участием представителей общественности. Уровень информированности о рисках разработки месторождения оценивается как высокий. Несмотря на недоверие к «системе», с этими установками коррелирует наличие реального опыта обращения к властям и гражданской активности. Именно в этом квадранте концентрируются наибольшие опасения в отношении рисков разработки месторождения, особенно в части роста общественных беспорядков, снижения туристического потока в регион, угрозы провала домов под землю. Для установок в данном квадранте характерна негативная оценка экологической обстановки в регионе и высокая оценка экологических рисков, однако именно в нем разделяется индивидуалистская установка на то, что ради экономического эффекта можно отчасти поступиться окружающей средой.

2. Квадрант «эгатизм» и «категоричность» (правый нижний) характеризуется недоверием протестной инициативной группе, частной компании-разработчику, но доверием членам семьи и членам своей организации. Заслуживает доверия информация, получаемая от правозащитных организаций или МЧС, но не заслуживает — от эоактивистов, друзей и знакомых. Наиболее эффективной мерой для предотвращения распространения слухов в этом квадранте считается усиление государственного контроля над предприятием. Информации о рисках, связанных с разработкой месторождения, в этом квадранте доверяют, если она получена от коллег, из прессы, иногда — из новостных порталов, но протестующие и телевидение доверия в этом отношении не заслуживают. С этим квадрантом связана наиболее высокая самооценка уровня информированности о месторождении, при этом ни один из рисков не оценивается как серьезный. Для данного квадранта также характерна негативная оценка экологической обстановки в регионе, но уровень оценки экологических рисков низкий. В целом квадрант связан с иерархистскими установками, в рамках

которых респонденты считают государство ответственным за регулирование вопросов, связанных с экологической обстановкой, в случае наступления неблагоприятных экологических последствий будет ожидать реакции именно от властей.

3. Квадрант «этатизм» и «умеренность» (левый нижний) характеризуется повышенным доверием по отношению к властям, экологическим НКО и компании-разработчику, социальным сетям, недоверием к прессе и родственникам. Заслуживающей доверия считается информация, полученная от государственных СМИ, в меньшей степени — властей или частных СМИ. Для этого квадранта совершенно нехарактерно участие в каких-либо общественно-политических акциях или готовность принять в них участие в будущем. Информации о разработке месторождения в Нивенском и связанных с ним рисках в данном квадранте доверяют, если получают ее от компании-разработчика, из социальных сетей, от экологических НКО или от властей и не доверяют — если от родственников. В целом данный квадрант связан с умеренно высокой оценкой экологических рисков вообще, но конкретно в разработке месторождения в Нивенском не видит угрозы.

4. Квадрант «умеренность» и «антирегуляционизм» (верхний левый) отличается повышенным доверием к родственникам, коллегам, к информации из соцсетей, от экологических НКО, неприятием усиления государственного контроля над предприятием для снижения напряженности и высокой оценкой эффективности таких инструментов, как проведение экскурсий и приобретение личного опыта. Для данного квадранта характерны низкая оценка экологических рисков, восприятие текущей ситуации скорее как благоприятной, отношение к гражданским акциям как к неэффективным. Свою информированность о рисках разработки респонденты оценивают как низкую, склонны винить в потенциальном наступлении рисков бизнес, не готовы жертвовать природой и в отличие от правого («категоричного») квадранта в целом выражают скорее коммунитаристские, чем индивидуалистские установки.

Для выделения в построенном пространстве групп респондентов с общими характеристиками мы провели кластерный анализ, определив положение каждого респондента относительно активных категорий. Всего было выделено пять кластеров (рис. 2), характеризующихся специфическим набором культурных установок и восприятием рисков.

Кластер 1 (8,5%). «Несолидарные этатисты». Данный кластер локализуется в нижней правой части пространства и отражает отрицательные установки по отношению к эгалитаризму. Представители этой группы выступают резко против утверждений о том, что государство должно обеспечивать потребности каждого и более равномерно распределять блага, что оно устроено несправедливо и необходимо устранять экономическое и гендерное неравенство. Утверждение о том, что главная мотивация для работы – это индивидуальная прибыль, находит здесь умеренную поддержку, однако «несолидарные этатисты» возражают против того, что именно рынки, а не государственные программы являются лучшим способом обеспечения людей. Таким образом, представители данного кластера выражают скорее не индивидуалистские и не иерархистские, а контрэгалитаристские и контркоммунитаристские установки, которые можно определить как индивидуализированный этатизм. Признавая ведущую роль государства в регулировании общественного поведения и считая легитимным сложившееся устройство, они все же слабо солидаризированы с группой. Примечательно, что среди источников информации об экологических угрозах в данном кластере наибольшим доверием пользуются государственные СМИ, а наиболее эффективным механизмом регулирования напряжения по поводу рисков эта группа считает создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве.

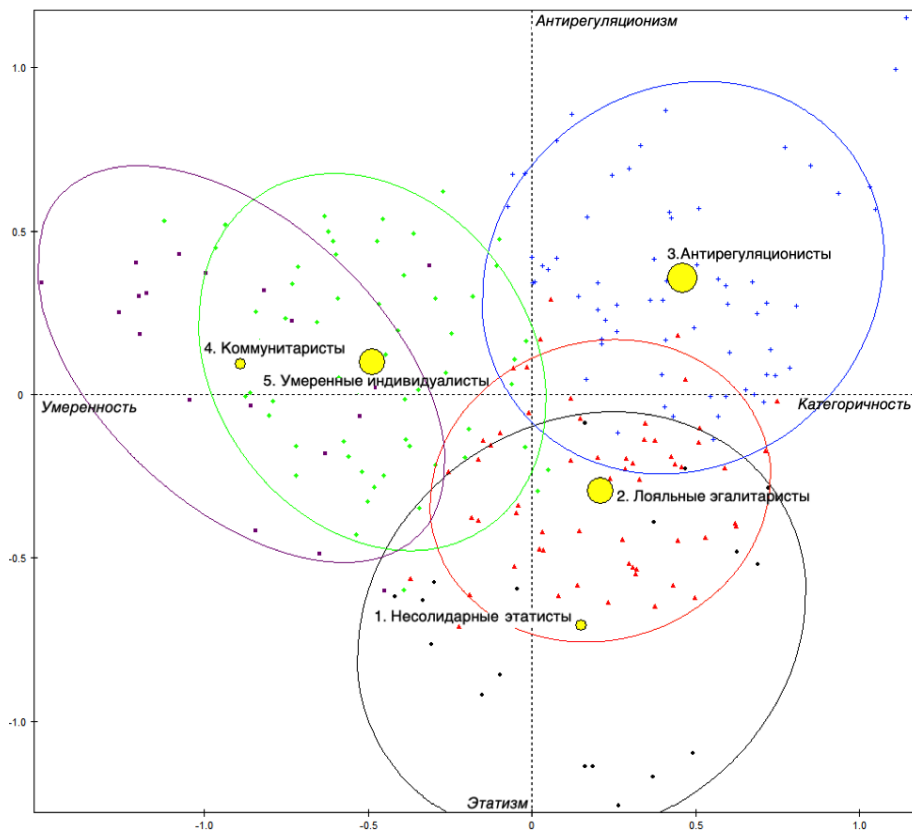

Рис. 2. Кластеризация респондентов по культурным установкам

Кластер 2 (26,9%). «Лояльные эгалитаристы». Данный кластер, хотя и находится в правом нижнем квадранте, располагается ближе к центру пространства, чем первый. Наиболее выражены в нем установки, связанные с проявлением групповой сплоченности при умеренной вертикальной ориентированности. Так, представители данной группы не согласны наделять государство правом ограничивать выбор людей для достижения общих целей, но вместе с тем не считают существующие меры поддержки разных социальных групп избыточными и не поддерживают «социал-дарвинистское» утверждение, согласно которому люди должны заботиться о себе сами. Абсолютно не близка этой группе дискриминационная проблематика — ее представители не считают, что общество стало слишком мягким и женоподобным, не приписывают все беды отходу от модели традиционной семьи, но одновременно не согласны с тем, что мальчиков надо растить более мягкими и чуткими, а в обществе присутствует серьезная дискриминация женщин.

Поддерживаются идеи о том, что каждый имеет право рассчитывать на помощь государства, когда это необходимо, и что общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно. Таким образом, в целом группу отличает слабая вертикальная ориентированность при выраженной групповой ориентации, характерная для умеренного патернализма. Отметим, что данная группа хорошо информирована о проблематике разработки месторождения, склонна доверять экологическим НКО и не доверять прессе, а наиболее важной ее чертой можно признать категорическое нежелание «поступиться окружающей средой» для роста уровня жизни, что характерно для эгалитаристской культуры.

Кластер 3 (29,5%). «Антирегуляционисты». В этой группе преобладают эгалитаристские и индивидуалистские установки, для которых характерно отрицание вертикальной ориентированности на общественные предписания, в том числе со стороны государства: члены данного кластера признают важность проблемы дискриминации меньшинств и необходимость сокращения неравенства — как экономического, так и гендерного, поддерживают идею о том, что мальчиков надо растить более чуткими; при этом считают рынки более эффективным экономическим механизмом, чем государственные программы, которые они считают «бесполезной тратой времени и денег». Таким образом, данную группу нельзя назвать ни «правыми», ни «левыми», однако очевидна ее антирегуляционистская направленность. Это отражается и в других качествах: более высокая гражданская активность, хорошая информированность о проблеме разработки месторождения, категорическое недоверие всем СМИ (и частным, и государственным), высокая оценка уровня экологических рисков в регионе, причем наибольшие опасения вызывает риск ухода жилых домов под землю.

Кластер 4 (8,6%). «Коммунитаристы». Данный кластер отличают выраженные коммунитаристские установки: одобрение усилий государства по поддержке разных групп людей, которые должны иметь возможность рассчитывать на его помощь в случае необходимости, неодобрение рынков как более эффективной модели обеспечения нужд людей по сравнению с государственными программами, несогласие с ведущей ролью индивидуального дохода в мотивации людей. В структуре установок этой группы можно также выделить эгалитаристские мотивы, отражающие запрос на социальную справедливость. Таким образом, для данной группы характерны как вертикальные патерналистские установки, так и высокая групповая солидарность. Из других характерных черт нужно отметить недоверие по отношению к протестной группе и относительно более высокую долю молодежи. Тематика рисков их практически не интересует.

Кластер 5 (27%). «Умеренные индивидуалисты». Представители данной группы не считают проблемой дискриминацию меньшинств, однако считают важной задачей для государства продолжать расширять равноправие (прежде всего в распределении материальных благ), при этом не оказывая давление на граждан, предоставляя им возможность самим позаботиться о себе. Выражая умеренное согласие с индивидуалистскими установками, данная группа подчеркивает, что не отказывается признавать роль государства в регуляции порядка и обеспечении социальной справедливости.

Гражданская активность этой группы низка, однако она не готова «поступиться окружающей средой» ради материальных выгод от реализации проекта. В наибольшей степени группа доверяет представителям властей, однако уровень доверия правозащитным организациям и представителям компании-разработчика также высок. Для получения информации эта группа скорее обратится к государственным СМИ, а друзьям как источнику информации доверять не склонна.

Некоторые выводы и заключения

По итогам нашего исследования можно сделать несколько основных выводов как методологического, так и практического свойства.

С методологической точки зрения в первую очередь важно отметить, что построенное пространство категориальных переменных не совпадает в точности со структурой модели «группа — решетка» — причем ни в «классической» версии, ни в соответствии с теорией культурно обусловленного познания. Возможно, причины заключаются в переводе шкал на русский язык, в необходимости их дальнейшей адаптации и валидации либо в специфике конкретных локальных сообществ.

Тем не менее данный опыт вряд ли стоит оценивать как неудачный: применение шкал с использованием множественного анализа соответствий позволило построить на основе выделенных категорий хорошо структурированное пространство, выявить связи между множеством и активных, и вспомогательных категориальных переменных, кластеризовать локальное сообщество в соответствии с устойчивыми отличительными чертами культурных типов различных групп. Таким образом, наиболее корректно, пожалуй, было бы заключить, что апробированный методологический аппарат (в частности, те шкалы, которые мы использовали) позволяет обеспечить достоверную категоризацию культурных установок респондентов, однако их соответствие способам структурной организации данных локальных сообществ осталось за пределами нашего анализа.

С практической точки зрения довольно интересным представляется различие культурных типов по осям «категоричность — умеренность» и «антирегуляционизм — этатизм», где вторая ось, по сути, сочетает в себе компоненты «решетки» (вертикальной организации) и «группы» (горизонтальной организации) из оригинальной модели. Важно, что данные культурные установки не просто являются произвольными суждениями или базовыми убеждениями, а связаны с восприятием рисков и отношением к различным социальным институтам (государственным, общественным и частным), средствам коммуникации и непосредственному социальному окружению членов локальных сообществ. Как было показано в другой нашей работе, культурные установки сохраняют свою устойчивость даже в процессе групповой коммуникации [46], так что выявленные закономерности в восприятии рисков имеют большое значение для выработки дифференцированных стратегий риск-коммуникации по отношению к различным группам внутри локальных сообществ, с учетом всей специфики их экономического, институционального и социального контекста.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

1. Smit B., Hovelsrud G., Wandel J. CAVIAR: Community Adaptation and Vulnerability in Arctic Regions // University of Guelph, Department of Geography, Occasional Paper. 2008. № 28.
2. Budzyte A., Balzekiene A. Public perceptions of institutional responsibility in climate change risk in Baltic Nordic countries // Journal of Security and Sustainability Issues. 2018. Vol. 7, № 4. P. 675—684. doi: 10.9770/jssi.2018.7.4 (5).
3. Balzekiene A., Telesiene A. Vulnerable and insecure? Environmental and technological risk perception in Europe // Telesiene A., Gross M. (eds). Green European: environmental behaviour and attitudes in Europe in a historical and cross-cultural comparative perspective. Abingdon ; N. Y., 2016.
4. Keskitalo E., Dannevig H., Hovelsrud G. et al. Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia // Regional Environmental Change. 2011. № 11. P. 579—592. doi: 10.1007/s10113-010-0182-9.
5. Jacobsen K. H. Regional energy consumption and income differences in Denmark // Journal of Environmental Policy and Planning. 2003. Vol. 5, № 3. P. 269—283. doi: 10.1080/1523908032000154197.
6. Hovelsrud G., Karlsson M., Olsen J. Prepared and flexible: Local adaptation strategies for avalanche risk // Cogent Social Sciences. 2018. № 4. 1460899. doi: 10.1080/23311886.2018.1460899.
7. Rasanen P., Hawdon J., Nasi M., Oksanen A. Social Solidarity and the Fear of Risk: Examining Worries about the Recurrence of a Mass Tragedy in a Small Community // Sociological Spectrum. 2014. № 34. P. 338—353. doi: 10.1080/02732173.2014.917248.

8. *Taarup-Esbensen J.* Managing communities — Mining MNEs' community risk management practices. Copenhagen, 2018.
9. *Norrman J., Soöderqvist T., Volchko Y.* Enriching social and economic aspects in sustainability assessments of remediation strategies — Methods and implementation // *Science of the Total Environment*. 2018. Vol. 707. doi: 10.1016/j.scitotenv.2019.136021.
10. *Vilhunen T., Kojo M., Litmanen T., Behnam T.* Perceptions of justice influencing community acceptance of spent nuclear fuel disposal. A case study in two Finnish nuclear communities // *Journal of Risk Research*. 2019. Vol. 24, iss. 2. doi: 10.1080/13669877.2019.1569094.
11. *Telesiene A., Balzekiene A.* The Influence of Biographical Situational Factors upon Environmental Activist Behaviour: Empirical Evidence from CEE Countries // *Sociální studia*. Department of Sociology FSS MU. 2015. № 3. P. 159—178.
12. *Balzekiene A.* International comparative surveys in risk perception research: Data sets, construction of questionnaires and analytical dimensions // *Olofsson A., Zinn J.* (eds). *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies*. L., 2018. P. 233—263.
13. *Boholm A.* Risk perception and Social Anthropology: Critique of Cultural Theory // *Ethos*. 1996. Vol. 61, № 1—2. P. 65—84. doi: 10.1080/00141844.1996.9981528.
14. *Boholm A.* Comparative studies of risk perception: a review of twenty years of research // *Journal of Risk Research*. 1998. Vol. 1, № 2. P. 135—163.
15. *Rippl S.* Cultural theory and risk perception: a proposal for a better measurement // *Journal of Risk Research*. 2002. Vol. 5, № 2. P. 147—165.
16. *Sjöoberg L.* Risk perception is not what it seems: The psychometric paradigm revisited // *Andersson K.* (ed.). *VALDOR Conference 2003*. Stockholm, 2003. P. 14—29.
17. *Sjöoberg L., Moen B. E., Rundmo T.* Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research // *Rotunde*. 2004. № 84. P. 55—76.
18. *Renn O., Benighaus C.* Perception of technological risk: insights from research and lessons for risk communication and management // *Journal of Risk Research*. 2013. Vol. 16, № 3—4. P. 293—313.
19. *Brown P.* Social Theories of Risk // *Elliott A.* (ed.). *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*. L., 2013. P. 157—174.
20. *Burgess A.* The making of the risk-centered society and the limits of social risk research // *Health, Risk & Society*. 2006. Vol. 8, № 4. P. 329—342.
21. *Burgess A.* The Social Construction of Risk // *Cho H., Reimer T., McComas K.A.* (eds). *The SAGE Handbook of Risk Communication*. Thousand Oaks, 2015. P. 121—139.
22. *Oltedal S., Moen B.-E., Klempe H., Rundmo T.* Explaining risk perception. An evaluation of cultural theory // *Rotunde*. 2004. № 85. P. 1—33.
23. *Brenot J., Bonnefous S., Marris C.* Testing the Cultural Theory of Risk in France // *Risk Analysis*. 1998. Vol. 18, № 6. P. 729—739.
24. *Docter S., Street J., Braunack-Mayer A.* Public perceptions of pandemic influenza resource allocation: A deliberative forum using Grid/Group analysis // *Journal of Public Health Policy*. 2011. Vol. 32. P. 350—366. doi: 10.1057/jphp.2010.49.
25. *Pedde V., Figueiredo J., Tundisi J., Lenz C.* The environmental risk as a culture in the Sinos Valley, Brazil // *Anais da Academia Brasileira de Ciências*. 2014. Vol. 86, № 4. P. 2145—2156. doi: 10.1590/0001-3765201420130122.
26. *Rizzolo J., Gore M., Ratsimbazafy J., Rajaonson A.* Cultural influences on attitudes about the causes and consequences of wildlife poaching // *Crime Law and Social Change*. 2017. Vol. 67. № 4. P. 415—437. doi: 10.1007/s10611-016-9665-z.
27. *McEvoy J., Gilbertz S., Anderson M. et al.* Cultural Theory of Risk as a Heuristic for Understanding Perceptions of Oil and Gas Development in Eastern Montana, USA // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4, № 4. P. 852—859. doi: 10.1016/j.exis.2017.10.004.
28. *Xue W., Hine D., Loi N. et al.* Cultural Worldviews and Environmental Risk Perceptions: A Meta-Analysis // *Journal of Environmental Psychology*. 2014. Vol. 40. P. 249—258. doi: 10.1016/j.jenvp.2014.07.002.
29. *Lyytimäki J., Assmuth T.* Down with the flow: public debates shaping the risk framing of artificial groundwater recharge // *GeoJournal*. 2014. Vol. 80, № 1. doi: 10.1007/s10708-014-9540-3.
30. *Olsen M. S., Osmundsen T. C.* Media framing of aquaculture // *Marine Policy*. 2017. № 76. P. 19—27. doi: 10.1016/j.marpol.2016.11.013.

31. *Douglas M.* Natural symbols: explorations in cosmology. L., 1970.
32. *Douglas M., Wildavsky A. B.* Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley, 1982.
33. *Dake K.* Technology on trial: Orienting dispositions toward environmental and health hazards. Doctoral dissertation. Berkeley, 1990.
34. *Dake K.* Orienting dispositions in the perception of risk: an analysis of contemporary worldviews and cultural biases // *Journal of Cross-Cultural Psychology, Special Issue on Risk and Culture.* 1991. Vol. 22. P. 61—82.
35. *Gastil J., Jenkins-Smith H., Silva C.* Analysis of cultural bias survey items. New Mexico, 1995.
36. *Marris C., Langford I., O’Riordan T.* A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparisons with the psychometric paradigm // *Risk Analysis.* 1998. Vol. 18, № 5. P. 635—48.
37. *Johnson B. B., Swedlow B.* Cultural Theory’s Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research // *Risk Analysis.* 2019. doi: 10.1111/risa.13299.
38. *Kahan D. M.* Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk // *Roeser S., Hillerbrand R., Sandin P., Petersen M.* (eds). *Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk.* Dordrecht, 2012. P. 725—759.
39. *Kahan D. M., Braman D., Gastil J. et al.* Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception // *Journal of Empirical Legal Studies.* 2007. Vol. 4, № 3. P. 465—505.
40. *Kahan D. M., Braman D., Slovic P. et al.* Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology // *Nature nanotechnology.* 2009. Vol. 4, № 2. P. 87—91.
41. *Kahan D. M., Braman D., Monahan J. et al.* Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws // *Law and Human Behavior.* 2010. Vol. 34. P. 118—140.
42. *Croasmun J. T., Ostrom L.* Using Likert-Type Scales in the Social Sciences // *Journal of Adult Education.* 2011. Vol. 40, № 1. P. 19—22.
43. *Le Roux B., Rouanet H.* Multiple correspondence analysis, SAGE, Series: Quantitative Applications in the Social Sciences. P., 2010.
44. *Ohman S., Olofsson A.* Quantitative Analysis of Risk Positions: An Exploratory Approach // *Olofsson A., Zinn J.* (eds). *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies.* L., 2018. P. 265—286.
45. *Benzécri J.-P.* Correspondence analysis handbook. N. Y., 1992.
46. *Фидря Е. С., Фидря О. О.* Устойчивость культурных установок локальных сообществ в отношении рисков: опыт применения модели «группа/решетка» // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки.* 2020. № 2. С. 106—117.

CULTURAL TYPES AND THE PERCEPTION OF CURRENT ENVIRONMENTAL RISKS BY LOCAL COMMUNITIES OF THE BALTIC SEA REGION

E. S. Fidrya

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 02 May 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5
© Fidrya, E. S., 2021

This work presents findings from research into the relationship between the structural organisation and cultural attitudes of local communities in the Baltic Sea region and the way they perceive environmental risks. The response of the Kaliningrad community to the

development of a local potassium and magnesium salt mine is used as an illustration. The article deals with how local communities perceive the image of risks formed and reproduced via various communication channels. The structural context and the context of communication are taken into account. Another focus is on how this perception is affected by the type of community members' cultural attitudes (according to Mary Douglas's grid/group model). The space of categorical variables obtained through multiple correspondence analysis (MCA) aids in clustering the cases (respondents) as well as in testing theoretical assumptions for compliance with the findings. The communicative practices characteristic of all the clusters (classes of cases) are examined; the relationship between the structural organisation of groups, their cultural attitudes, their perception of environmental risks, and the performance of environmental agencies are explored. An evaluation of the comparative efficiency of different ways and means of risk communication with the identified groups is made. It is concluded that the proposed model is methodologically promising and there is a need for differentiated risk-communication strategies.

Keywords:

cultural approach, local community, environmental risk, grid/group model, Baltic region

References

1. Smit, B., Hovelsrud, G., Wandel, J. 2008, CAVIAR: Community Adaptation and Vulnerability in Arctic Regions, *University of Guelph, Department of Geography, Occasional Paper*, no. 28.
2. Budzyte, A.; Balzekiene, A. 2018, Public perceptions of institutional responsibility in climate change risk in Baltic Nordic countries, *Journal of Security and Sustainability Issues*, vol. 7, no. 4, p. 675—684. doi: <https://doi.org/10.9770/jssi.2018.7.4> (5).
3. Balzekiene, A., Telesiene, A. 2016, Vulnerable and insecure? Environmental and technological risk perception in Europe. In: Telesiene, A., Gross, M. (eds) *Green European: environmental behaviour and attitudes in Europe in a historical and cross-cultural comparative perspective*, Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge.
4. Keskitalo, E., Dannevig, H., Hovelsrud, G., West, J., Swartling, A. G. 2011, Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia, *Regional Environmental Change*, no. 11, p. 579—592. doi: <https://doi.org/10.1007/s10113-010-0182-9>.
5. Jacobsen, K.H. 2003, Regional energy consumption and income differences in Denmark, *Journal of Environmental Policy and Planning*, vol. 5, no. 3, p. 269—283. doi: <https://doi.org/10.1080/1523908032000154197>.
6. Hovelsrud, G., Karlsson, M., Olsen, J. 2018, Prepared and flexible: Local adaptation strategies for avalanche risk, *Cogent Social Sciences*, no. 4, 1460899. doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2018.1460899>.
7. Rasanen, P., Hawdon, J., Nasi, M., Oksanen, A. 2014, Social Solidarity and the Fear of Risk: Examining Worries about the Recurrence of a Mass Tragedy in a Small Community, *Sociological Spectrum*, no. 34, p. 338—353. doi: <https://doi.org/10.1080/02732173.2014.917248>.
8. Taarup-Esbensen, J. 2018, *Managing communities — Mining MNEs' community risk management practices*, Copenhagen, Doctoral School of Business and Management.
9. Norrman, J., Söderqvist, T., Volchko, Y. 2018, Enriching social and economic aspects in sustainability assessments of remediation strategies — Methods and implementation, *Science of the Total Environment*, doi: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2019.136021>.
10. Vilhunen, T., Kojo, M., Litmanen, T., Behnam, T. 2019, Perceptions of justice influencing community acceptance of spent nuclear fuel disposal. A case study in two Finnish nuclear communities, *Journal of Risk Research*, doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2019.1569094>.
11. Telesiene, A., Balzekiene, A. 2015, The Influence of Biographical Situational Factors upon Environmental Activist Behaviour: Empirical Evidence from CEE Countries, *Sociální studia. Department of Sociology FSS MU*, no. 3, p. 159—178.
12. Balzekiene, A. 2018, International comparative surveys in risk perception research: Data sets, construction of questionnaires and analytical dimensions. In: Olofsson, A., Zinn J. (eds) *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies*, London, Palgrave Macmillan, p. 233—263.

13. Boholm, A. 1996, Risk perception and Social Anthropology: Critique of Cultural Theory, *Ethos*, vol. 61, no. 1–2, p. 65–84. doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.1996.9981528>.
14. Boholm, A. 1998, Comparative studies of risk perception: a review of twenty years of research, *Journal of Risk Research*, vol. 1, no. 2, p. 135–163.
15. Rippl, S. 2002, Cultural theory and risk perception: a proposal for a better measurement, *Journal of Risk Research*, vol. 5, no. 2, p. 147–165.
16. Sjöberg, L. 2003, Risk perception is not what it seems: The psychometric paradigm revisited. In: Andersson, K. (ed), *VALDOR Conference 2003*, Stockholm, VALDOR, p. 14–29.
17. Sjöberg, L., Moen, B. E., Rundmo, T. 2004, Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research, *Rotunde*, no. 84.
18. Renn, O., Benighaus, C. 2013, Perception of technological risk: insights from research and lessons for risk communication and management, *Journal of Risk Research*, vol. 16, no. 3–4, p. 293–313.
19. Brown, P. 2013, Social Theories of Risk. In: Elliott, A. (ed) *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*, London, Routledge, p. 157–174.
20. Burgess, A. 2006, The making of the risk-centred society and the limits of social risk research, *Health, Risk & Society*, vol. 8, no. 4, p. 329–342.
21. Burgess, A. 2015, The Social Construction of Risk. In: Cho, H., Reimer, T., McComas, K. A. (eds) *The SAGE Handbook of Risk Communication*, SAGE Publications, Inc, p. 121–139.
22. Oltedal, S., Moen, B.-E., Klempe, H., Rundmo, T. 2004, Explaining risk perception. An evaluation of cultural theory, *Rotunde*, no. 85.
23. Brenot, J., Bonnefous, S., Marris, C. 1998, Testing the Cultural Theory of Risk in France, *Risk Analysis*, vol. 18, no. 6, p. 729–739.
24. Docter, S., Street, J., Braunack-Mayer, A. 2011, Public perceptions of pandemic influenza resource allocation: A deliberative forum using Grid/Group analysis, *Journal of Public Health Policy*, no. 32, p. 350–366. doi: <https://doi.org/10.1057/jphp.2010.49>.
25. Pedde, V., Figueiredo, J., Tundisi, J., Lenz, C. 2014, The environmental risk as a culture in the Sinos Valley, Brazil, *Anais da Academia Brasileira de Ciências*, vol. 86, no. 4, p. 2145–2156. doi: <https://doi.org/10.1590/0001-3765201420130122>.
26. Rizzolo, J., Gore, M., Ratsimbazafy, J., Rajaonson, A. 2017, Cultural influences on attitudes about the causes and consequences of wildlife poaching, *Crime Law and Social Change*, vol. 67, no. 4, p. 415–437. doi: <https://doi.org/10.1007/s10611-016-9665-z>.
27. McEvoy, J., Gilbert, S., Anderson, M., Ormerod, K., Bergmann, N. 2017, Cultural Theory of Risk as a Heuristic for Understanding Perceptions of Oil and Gas Development in Eastern Montana, USA, *The Extractive Industries and Society*, vol. 4, no. 4, p. 852–859. doi: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2017.10.004>.
28. Xue, W., Hine, D., Loi, N., Thorsteinsson E., Phillips, W. 2014, Cultural Worldviews and Environmental Risk Perceptions: A Meta-Analysis, *Journal of Environmental Psychology*, no. 40, p. 249–258. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.07.002>.
29. Lyytimäki, J., Assmuth, T. 2014, Down with the flow: public debates shaping the risk framing of artificial groundwater recharge, *GeoJournal*, vol. 80, no. 1, p. doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-014-9540-3>.
30. Olsen, M. S., Osmundsen, T. C. 2017, Media framing of aquaculture, *Marine Policy*, no. 76, p. 19–27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.11.013>.
31. Douglas, M. 1970, *Natural symbols: explorations in cosmology*, Barrie & Rockliff the Cresset Press, London.
32. Douglas, M., Wildavsky, A. B. 1982, *Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers*, University of California Press, Berkeley.
33. Dake, K. 1990, *Technology on trial: Orienting dispositions toward environmental and health hazards*. Doctoral dissertation. University of California at Berkeley.
34. Dake, K. 1991, Orienting dispositions in the perception of risk: an analysis of contemporary worldviews and cultural biases, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *Special Issue on Risk and Culture*, no. 22, p. 61–82.
35. Gastil, J., Jenkins-Smith, H., Silva, C. 1995, *Analysis of cultural bias survey items*, Institute for Public Policy, University of New Mexico.
36. Marris, C., Langford, I., O’Riordan, T. 1998, A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparisons with the psychometric paradigm, *Risk Analysis*, vol. 18, no. 5, p. 635–48.

37. Johnson, B. B., Swedlow, B. 2019, Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research, *Risk Analysis*. doi: <https://doi.org/10.1111/risa.13299>.
38. Kahan, D. M. 2012, Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk. In: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Petersen, M. (eds) *Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk*, Dordrecht, The Netherlands, Springer, p. 725–759.
39. Kahan, D. M., Braman, D., Gastil, J., Slovic, P., Mertz, C. K. 2007, Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception, *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 4, no. 3, p. 465–505.
40. Kahan, D. M., Braman, D., Slovic, P., Gastil, J., Cohen, G. 2009, Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology, *Nature nanotechnology*, vol. 4, no. 2, p. 87–91.
41. Kahan, D. M., Braman, D., Monahan, J., Callahan, L., Peters, E. 2010, Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws, *Law and Human Behavior*, no. 34, p. 118–140.
42. Croasmun, J. T., Ostrom, L. 2011, Using Likert-Type Scales in the Social Sciences, *Journal of Adult Education*, vol. 40, no. 1, p. 19–22.
43. Le Roux, B., Rouanet, H. 2010, *Multiple correspondence analysis*, SAGE, Series Quantitative Applications in the Social Sciences, CA, Thousand Oaks Paris.
44. Ohman, S., Olofsson, A. 2018, Quantitative Analysis of Risk Positions: An Exploratory Approach. In: Olofsson, A., Zinn, J. (eds) *Researching Risk and Uncertainty – Methodologies, Methods and Research Strategies*, London, Palgrave Macmillan, p. 265–286.
45. Benzécri, J.-P. 1992, *Correspondence analysis handbook*, New York, Dekker.
46. Fidrya, E., Fidrya O. 2020, Resilience of cultural attitudes of local communities to risks: the «group / grid» model, *Vestnik Baltijskogo Federal'nogo Universiteta imeni Immanuila Kanta. Seriya: gumanitarniye i obschestvenniye nauki* [Vestnik IKBFU. Humanities and social science], no. 2, p.106–117 (in Russ.).

The author

Dr Efim S. Fidrya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4330-8251>
